

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ТО, ЧЕГО МОЛЧА ЖЕЛАЛ ТЫ

– 16 –

Часть вторая

В ЧЕРТОГАХ СВЕТА

– 38 –

Часть третья

У ПРЕДЕЛА

– 102 –

Часть четвертая

В ЧЕРНОМ КРУГУ

– 176 –

Часть пятая

В СОЖРАННОМ МИРЕ

– 234 –

Часть шестая

ПОД ОГРОМНЫМ СТЕКЛЯННЫМ КУПОЛОМ

– 324 –

Часть седьмая

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

– 386 –

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

– 429 –

Жизнь началась в метель.

– Вот ведь я влипла, – ругалась Тереза Андервуд, мчась по шоссе. Стояла ночь; снег летел в лобовое стекло и укрывал дорогу белым одеялом. – Ладно бы, там, пожурил, но уволить меня – это полнейший произвол, так ведь?

Кроме нее единственным живым существом в салоне была ее верная птичка, волнистый попугай по кличке Вилма, которого Тереза привыкла всюду таскать с собой. Он сидел в клетке, пристегнутой ремнем к переднему пассажирскому сиденью, и смотрел в окно, словно гадая, в какой момент все пошло наперекосяк.

– Нет, ну и свинство, – продолжала Тереза. – Я ведь не двадцатки из кассы таскала.

– Таскала!

Если бы важнейшим критерием выбора лучшего слушателя было повторение реплик, Вилма взял бы главный приз. А вообще, этот попугай, хоть и носил женское имя, был мальчиком. Стоило мужу Терезы однажды указать на это, как она ответила: «Говард, пол – это социальный конструкт. И потом, это же, мать ее, птица».

Продолжая рулить одной рукой, Тереза закурила сигарету.

— Подумаешь, мелочь взяла, никто бы и не заметил. Но это же мой босс, дамы и господа, а круче него только яйца.

— Яйца!

Так и продолжалось: Тереза Андервуд летела сквозь снег, точно нетопырь из преисподней, а волнистый попугайчик Вилма выкрикивал «яйца!». Девушку посреди дороги Тереза заметила только в последний момент — то ли из-за снега, то ли из-за того, что ослепла от гнева, или же потому, что — как она утверждала несколько недель спустя, выйдя из комы, — «ребенок возник прямо из воздуха». («Клянусь тебе, Говард!») Тереза резко взяла вправо, и ее ржавый фургон завалился набок. Пропахав юзом еще метров тридцать, машина вылетела с дороги и врезалась в защитное ограждение.

Вскоре по лесистой нью-гэмпширской дороге светящимся гигантским змеем в ночи протянулась пробка. Где-то в ее середине, сидя в чуть теплом салоне небольшого хетчбэка, молодой человек по имени Итан произнес: «Поверить не могу».

Элис, его жена, не ответила. Она верила, что их настигла карма — мистическое наказание от вселенной за то, что муж, не сдержав бахвальства, пообещал, что они «славно проведут время».

— Глянь еще раз в приложение.

Элис поднесла к лицу телефон.

— Связи так и нет.

— Уже и не помню, когда последний раз была такая ранняя метель, — со вздохом произнес Итан. — Но тогда мы тоже славно провели время.

Элис любила мужа, однако спустя пять лет супружеской жизни стала замечать, как список Маленьких Недостатков Итана удлиняется, выходя за пределы терпимого. Словно прочтя ее мысли, Итан достал пакетик персиковых мармеладок и, безбожно громко хрустя, надорвал его. Сунул конфету в рот и до предела опустил спинку кресла.

– Раз уж мы застряли, то почему бы не посидеть с комфортом?

Элис кивком головы указала на его фланелевые пижамные брюки.

– Еще капля комфорта, и ты впадешь в кому.

– Женщине в твоем положении вроде как подobaет терпимее относиться к повседневной одежде.

– В моем положении?

– Ты понимаешь, о чем я.

– Во-первых, я тебя почти никогда не понимаю. Во-вторых, это не повседневная одежда, милый. А в-третьих... – Она оттянула эластичный пояс брюк для беременных, невольно заметив, что те сидят уже не так свободно. – Вот это настоящая повседневка: хоть целый день носи, удобно. – Ложь. Комфортно Элис не ощущала себя уже несколько месяцев. – Весь. День. А твои штаны – только ночью. Повсеночки несчастные.

– Нет такого слова. И вообще, как ты смеешь?

– Вот именно, как я вообще на брюки перешла? – Она взяла у него из пакетика мармеладку и сунула ее в рот. На вкус конфета оказалась как пропитанная химией грязь. – Приношу извинения всем, кто носит брюки.

– Может, вместо пожизненного запаса детских полотенец с монограммами твоей маме стоило подарить тебе больше пижамно-непижамных брюк?

На заднем сиденье лежала пристегнутая ремнем стопка из двух десятков банных полотенец — с капюшонами в виде енотиков, лисичек и всевозможных диснеевских героев, — точно маленький человечек, которого скоро станут в них заворачивать.

— Это для ребенка, Итан, а не для меня. — Она резко схватилась за живот, ощутив знакомую тупую, тянущую боль.

— Все хорошо? — Итан перестал жевать и выпрямился. — Снова эти самые... Брэкстоны?

«Эти самые, Брэкстоны». А еще ученый, постыдился бы.

— Схватки Брэкстона-Хикса*, — поправила Элис, а боль тем временем отступила.

Элис выдавила улыбку, потому что знала: Итан старается, — но упаси его Бог, если ей придется еще хоть чуточку дольше ходить с животом, и упаси Бог их всех, если эта пробка не рассосется в ближайшее время.

Пора было брать дело в свои руки. Элис приспустила окно.

— Милая? — окликнул ее Итан. — Холодно же.

Водитель пикапа на соседней полосе, едва успев поравняться с ними и застрять, начал выразительно гнуть брови и строить глазки. Элис делала вид, что ничего этого не замечает. Зато сейчас она жестом попросила водителя приспустить окно.

— Здрасьте, — сказала она.

Снег валил жирными густыми хлопьями.

— Привет, куколка.

Элис изобразила мимолетную улыбку.

* Ложные схватки, возникают — не обязательно — после 20-й недели беременности.

— У вас же есть радио? Не в курсе, что там произошло? — Она указала вперед, в голову пробки, озаренной приглушенными задними габаритами.

— Фургон перевернулся.

— Боже мой.

Водитель кивнул:

— Эт-точно.

— Далеко от нас?

— Да нет, чуть больше километра. Просто погодка эта... — Водитель подмигнул, улыбнувшись и показав крупный кусок жевательного табака, заложенного за нижнюю губу.

Элис тоже улыбнулась, подняла стекло и поднесла ладони к отверстиям воздуховода, чтобы согреться.

— Теперь мы знаем, в чем дело, — сказала она.

Итан кивнул:

— Эт-точно.

— Прекрати.

— Этот тип на тебя пялится.

Элис включила радио и нашла станцию с классическим роком. Зазвучали переливчатые ранние «Битлз». Некоторое время супруги сидели молча; они решили пока не донимать друг друга вопросами, даже не подозревая, что обоим в это время не дает покоя одна вещь, образ: люди, заживо погребенные под снегом в колонне длиной в километры.

Итан встряхнулся и сунул в рот мармеладку.

— Могла бы спасибо ему сказать.

— Что?

— Водителю пикапа.

— Да ладно тебе.

— Ты попросила сведений, и он тебе их дал. Ради тебя в такую погоду стекло приспустил...

– Знаешь что? Давай ты обменяешь эту пижаму на пару брюк для взрослого мальчика, а я залезу на крышу машины и прокричу в громкоговоритель, как я ему благодарна.

– Я с этими штанами ни за что не расстанусь.

– Однажды утром ты проснешься, а они тю-тю.

– Только вместе со мной.

– Итан.

– Чего?

Элис указала вперед, где в тридцати метрах у обочины светился билборд:

СЛЕДУЮЩИЙ СЪЕЗД: БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСШЕГО СПАСИТЕЛЯ «ИЩИТЕ, И НАЙДЕТЕ»*

Впрочем, указывала Элис вовсе не на знак. Просто на билборд, балансируя на карнизе щита, кто-то влез с баллончиком краски.

– Как думаешь, его там скоро заморозит и сдует? – хихикнув, произнес Итан. – Это как надо хотеть испортить общественную соб...

Ахнув, Элис снова схватилась за живот. Дыхание участилось, а по бедрам стало расплзаться влажное пятно.

– Итан...

* Мф., 7:7.

– Черт. Так, спокойно, это же нормально, да? В смысле, время еще есть. На курсах говорили, что после этого до родов остается еще час или два...

– Твою-у-у-ма-а-а-а...

– Спокойно, спокойно, просто дыши, как мы учились.

– Вот только обобщать не надо... Черт! Поверить не могу, как же не вовремя.

Итан посмотрел на машину впереди. Прикинул расстояние между ней и разделительной полосой. «Буря усилилась, на обочине уже навалило сугроб. Вдруг смогу протиснуться мимо машины-другой? Только, если ошибусь на пару сантиметров, мы – в кювете...»

– Так, спокойно, – вслух произнес он. – Все будет хорошо. Главное – спокойно.

– Хватит повторять это слово.

Итан осмотрел салон, будто искал некую волшебную вырубалочку...

– Только не так, Итан, только не так...

Взгляд Итана остановился на пристегнутой ремнем стопке полотенец: лесные звери и диснеевские персонажи терпеливо ждали, когда их пустят в ход.

А в семи машинах позади Дакота Шероуз жалела, что вообще этим вечером вышла из дома. Она не знала, что хуже: пробка или свидание, которое ей предшествовало. Ладно хоть встретилась с Бобом в кинотеатре, а то бы застряла с ним тут.

Боб.

Дакота всегда придавала имени большое значение, хотя, возможно, и зря. Ее маму звали Зои, лучшую подругу – Эстель, а единственного мужчину, с которым сложились длительные отношения, – Питер. Впрочем, надо отдать Бобу должное, он нашел

милейший маленький кинотеатр. Дорога выдалась кошмарная, свидание провалилось, но к самому заведению претензий не было.

Телефон не работал, и Дакота включила радио — узнать о ситуации на дороге. В этот момент из хетчбэка впереди выбрался молодой человек и, обежав машину, помог вылезти из салона женщине на позднем сроке беременности.

— Какого черта?

Пара тем временем забралась на заднее сиденье своей машины.

Завороженная, почти не ощущая холода, Дакота открыла дверцу. Пошла в тумане выхлопов к хетчбэку, на заднем сиденье которого, в ворохе детских банных полотенец с лесными животными и диснеевскими героями, лежала женщина.

Дакота постучалась в окно, и мужчина поднял на нее полный паники взгляд.

— Я акушерка, — сказала Дакота.

Итан, вернувшись на водительское место, делал все, что было в его силах (то есть почти ничего): держал жену за руку, когда она просила; отпускал, когда она просила; взволнованно подбадривал ее.

— Итан, — сказала Элис, сжимая его руку в потной ладони. — Обогрев.

Итан отрегулировал температуру в салоне и уже собирался снова обернуться к жене, но тут что-то привлекло его внимание. Оскверненная надпись на щите теперь гласила:

СЛЕДУЮЩИЙ СЪЕЗД:

~~БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ
ВОСКРЕСШЕГО СПАСИТЕЛЯ~~

ВПЕРЕД, СТРАННИЦА

«ИЩИТЕ, И НАЙДЕТЕ»

А на раме билборда стояла, глядя прямо на него, девушка.

Совсем молодая, подросток. Ветер трепал ее волосы. Она улыбнулась, глядя на Итана пламенными голубыми глазами, спустилась по лестнице и убежала в лес.

Несколько часов спустя, уже в другом месте, когда на смену ангелу-акушерке пришли усталые медсестры и доктора, Элис держала на руках туго запеленутую здоровую малышку.

— Уж больно она спокойная, — заметила она.

И правда: ребеночек не спал, но тихо смотрел на родителей. А у Итана возникло необъяснимое впечатление, что эти глаза он видит уже не первый раз за ночь.

Часть первая

**ТО,
ЧЕГО
МОЛЧА
ЖЕЛАЛ
ТЫ**

НИКО

Этимология

Много лет назад, пока еще рассказам отца можно было верить, а их смысл не исчез, как таблетка сахарозаменителя в остывшем чае, Нико забиралась к нему в кресло и, устроившись у него на коленях, слушала, как он читает «Мило и волшебную будку»*, «Вечный тук»** или другую книгу из сотен хранившихся в уютной и чуть сырой библиотеке Сельского Дома. Даже сейчас, даже здесь она еще улавливала запах отцовской бороды, ощущала жар от растопленного камина, слышала, как он читает, сглатывая по минутно слюну, и думала: не вторая ли это жизнь? Не то чтобы новое место, а некий замкнутый круг, в котором после смерти дают проживать все заново. Погруженная в рассказ, в отцовском кресле — в от-

* Детская сказка Нортон Джастера (1961 г.), с элементами обучения языку.

** Подростковый роман Натали Бэббит (1975 г.) про девочку по имени Винни, которая от скуки сбегает из дома в глуши в лес и там знакомится с семейством Тук.

цовских объятиях, — Нико надеялась, что это все же вторая жизнь.

А так ли это, она, наверное, скоро узнает.

Созвездия

Нико всматривалась в огонь. Рядом лежал Гарри; они уже давно дышали в одном ритме, и со стороны, наверное, — в который раз подумала Нико — походили на единое существо, которым стали в какой-то момент между вчерашним и сегодняшним днем. В своем стремлении выжить девочка и пес слились в новое космическое создание. Телепатическая связь между ними, возможно, была всегда, просто дремала неглубоко, а чтобы разбудить ее, пришлось покинуть Сельский Дом и пуститься в странствие по лесу.

Их окружала чаща: через каждые несколько шагов, пробив землю, в небо устремлялся древесный ствол, и там, в вышине, он словно бы раскинул руки-ветки, искал братьев и сестер. Ловил во тьме тихие слова утешения: «Я тут, ты не один».

От мысли о говорящих деревьях в животе у Нико потеплело.

Она достала из сумки ручку и фонариком осветила себе на тыльную сторону ладони. На коже между большим и указательным пальцами синела полоска. По солнцу Нико отмеряла время, по компасу определяла направление, а по этой линии отсчитывала дни.

Вот рядом с первой черточкой она поставила вторую.

Минуло два дня.

Если верить карте, то река Мерримак протянулась от Нью-Гэмпшира до Массачусетса на добрых полторы сотни километров, а после впадала в Атлантику. В таких масштабах о лесе думать было легче: собственное перемещение казалось едва заметным, а цель — ближе, чем была на самом деле. Если поддерживать прежний темп, то к реке Нико выйдет на четвертой отметке и еще через четыре окажется в Манчестере.

Не в королевстве Манчестер, а просто в Манчестере. В голове так и звучал папин голос: «Воды Кайроса — это правда, и Манчестер есть на самом деле...»

То, что Манчестер существует на самом деле, Нико знала. Не знала она, во что еще можно верить. Отец, когда говорил о Манчестере, пребывал в ясном уме, однако в последнее время грань между ясностью и помутнением заметно истерлась. Беда в том, что не было никаких инструкций, не сыскалось бы книги на полке и человека в этом пустом мире, которые подсказали бы, что делать, когда тот, кому ты доверяешь больше всех на свете, выдает за факт вымысел.

Лежа на спине, в спальнике, Нико глядела на звезды и думала о родителях. У нее в голове живые люди быстро сменились предметами: продавленное кресло, пыльный кухонный стул, пустая каминная полка, мамина Библия с загнутыми уголками страниц... Пока они жили в Сельском Доме, жил и он. Дом стал как бы телом, а они — его сердцем, однако он быстро превращался в призрак, и каждый уголок и закуточек как бы шептали, напоминая о маминой смерти, и что скоро за ней

отправится папа, и что биение сердца уже сильно замедлилось.

Лопнула ветка в костре, и Гарри дернулся. Он шевелил лапами, гоняясь, наверное, во сне за белочкой или кроликом.

Зимы выдавались морозные, однако в Сельском Доме Нико нравилось переживать их: устроишься, накрывшись двумя, а то и тремя одеялами, в уютном местечке, у огня, который всегда поддерживают. Ближился к концу октябрь, и мама это время – когда год словно бы начисто пропускал осень – называла предзимой. Только сейчас, в лесу, Нико познала истинную, суровую и безотрадную природу холода. Сейчас она повыше подтянула краешек спальника. Бывало, что за ночь она просыпалась раз или два, коченея и подбрасывая в огонь топлива.

Впрочем, каким бы суровым и безотрадным ни был холод, правда была такова: некая часть Нико, маленькая и глубоко погребенная под наслоившимися друг на друга страхом перед мухами, горем из-за маминой смерти и опасением прийти в Манчестер и не застать ничего, радовалась тому, что выбралась сюда, изведала неизведанные дали, протянув к ним руку и схватив, разглядывая и вертя, точно стеклянную фигурку.

Глушь кругом жила: звуки накатывали шумными волнами и тихо отступали. В небе проявился круглый узор – словно составленная от точки к точке, по звездам, картинка. Еще немного, и Нико уснет, вдыхая мускусный запах Гарри, и увидит себя во сне: она посреди моря в лодке, которую тянет косатка, а крупное светлое око в небе указывает направление.

Но пока что Нико искала среди звезд ответы.

– Как мне побороть эту тьму? – спрашивала она. Однако звезды по-прежнему хранили безразличное молчание.

Фурии*

– Далеко ли может заяц забежать в лес?

Гарри доел злаковый батончик с клубникой и вопросительно посмотрел на нее.

– Только до середины, – ответила Нико, – а дальше он уже выбегает из лесу.

Собака лишь раз взмахнула хвостом; на большее не стоило и рассчитывать.

Сегодняшний завтрак ничем не отличался от вчерашнего: клубничный батончик мюсли и ломтик вяленой крольчатины на каждого. На обед и ужин ждало то же самое.

В семье Нико кровь была предметом легенд. Давних традиций, логики которых она не понимала. Однако родители цеплялись за правила, еще когда мухи только пришли, когда Нико была совсем крохой. По периметру участка вокруг Сельского Дома папа с мамой ставили живоловушки, в которые попадались почти всегда одни кролики, но изредка им доставались и суслики. А вот за пределами участка уже не убивали. Разделявали добычу и свеживали ее в подвале дома.

Может, смысла этих правил Нико и не понимала, однако впитала их.

Не могла заставить себя выйти на охоту.

По счастью, отец собирал ее с умом, экономно: разграбив припасы в подвале, он снабдил дочь

* В древнеримской мифологии фурии – богини мести.

только самым легким. Большую часть сублимированных продуктов даже не тронул — они ведь тяжелые, занимают место в сумке, их надо готовить. Обошлись и без любимых Нико макарон с чили, зато набралось прилично клубничных батончиков мюсли (вкусных) и немало вяленой крольчатины папиного приготовления. Кроме еды в сумку втиснулись фляга с фильтром, спальник, походная подстилка, два непромокаемых пакета с зажигалками, компас, складной нож, запасные носки, аптечка и пакетики молотой корицы. В общем, если беречь еду, следить за рационом, то ее и репеллентов хватит на несколько недель.

Нико сидела, привалившись спиной к стволу дерева, и смаковала крольчатину.

— Какое слово всегда звучит неверно?

Гарри склонил голову набок, как бы говоря: продолжай. Этот взгляд он унаследовал от матери, Гарриет, чья смерть стала бы невыносимой, если бы эти ее почти человеческие глаза не передались сыну. (Про отца Гарри ничего известно не было, да и откуда бы, если Гарриет имела склонность целыми днями пропадать в лесу?)

Гарри было два года: средних размеров, уши торчком и черная шерсть. Как и мать, он был игрив, но не ластился, а кроме обычной собачьей соображалки обладал еще и хорошим чутьем.

— И вот ты такой говоришь: «Не знаю, Нико, а какое?» И я отвечаю: «Неверно».

На этот раз пес даже хвостом не вильнул.

Нико встала и, присыпав кострище землей, надела куртку. Потом накинула на спину рюкзак и уже хотела двигать дальше, как вдруг, словно из воздуха,

появился олень. В то же мгновение повалил снег. Погода с оленем будто ждали друг друга.

Мама часто сетовала на то, как много животных выкосили мухи. Вот бёлки выжили и кролики — короче, все юркие твари, что умели ютиться в тесных норах. Однажды Нико видела лося: огромный, похожий на мифическое создание, он словно сошел со страниц какой-нибудь книги. Но то было много лет назад.

Сейчас они смотрели на оленя, а он тарачился на них в ответ огромными темными глазами, обрамленными белыми кольцами. Время замедлило ход и заскользило плавными рывками, словно одна из тысяч снежинок.

Серовато-бурая шкура. Рога.

— Белохвостый олень, — шепнула Нико.

Это был самец, не то больной, не то подравшийся: рога с одной стороны у него отсутствовали, а задняя нога кровоточила.

Завороженная видом зверя, Нико не сразу уловила, как вдали раздался низкий гул... Появляясь, мухи создавали шум, какого Нико никогда в жизни не слышала. Так, наверное, мог гудеть целый парк поездов, с таким звуком рушился небоскреб где-то в старом городе, а может, именно так налетел ураган из «Волшебника страны Оз»... Но из подвала Сельского Дома было сложно оценивать по шуму, огромен ли рой и близок ли он.

Нико положила ладонь на голову Гарри, ощутила его дрожь.

— Тише, — прошептала она, взглядом ища укрытие. — Тише...

Белохвостый олень вскинул несимметричную голову и, задрав морду к небу, раздул ноздри...

Все произошло быстро: оглушительно гудя, мухи вырвались из чащи и обрушились на них, словно гром небесный, словно божья десница. Нико метнулась за дерево и окрикнула Гарри, но тот убежал куда-то в сторону – туда, где она его уже не видела. Она сама не заметила, как упала грудью на землю; сердце колотилось так, будто хотело пробиться наружу, к рыхлой почве. Мухи тем временем облепили оленя, и впервые в жизни Нико поняла, на что способны эти свирепые твари. Десятки тысяч насекомых действовали как одно, и вот уже олень исчез до последнего клочка серовато-бурой шкуры, до последней веточки рогов и алой капли крови. На его месте теперь стоял темный пульсирующий силуэт. Олень издал крик, похожий на кошмарный скрежет, а когда мухи оторвали его от земли, Нико зарылась лицом в землю и зажала уши. Она не сме- ла пошевелиться, пока не ощутила теплое дыхание Гарри и пес не ткнулся ей носом в затылок. Кругом вновь воцарилась тишина, однако в голове у Нико по-прежнему гремело.

Оптика

Под ногами хрустела мешанина из снега и листьев, свежего и старого. После нападения роя день тянулся бесконечно, и в каждом лесном звуке мерещилась угроза.

Они изобрели Игру, в которой Гарри убегал вперед – не слишком далеко, а так, чтобы каждый успел ощутить себя одиноким. Так они шли где-то минуту,

стараясь не упиваться ощущением, а лишь цедя его по капельке. В конце концов Нико не выдерживала первой и, свистнув, подзывала Гарри, тихо считала до пяти. (Дольше чем до пяти она сосчитать ни разу не успевала – Гарри уже возвращался.) Тогда она хвалила пса, а он вилял хвостом; Нико рассказывала анекдот-другой, и Гарри наконец решал снова сыграть в Игру – уносился прочь, они вкушали чуть-чуть одиночества, потом Нико свистела, считала до пяти, и Гарри победно возвращался, готовый получить новую порцию заверений в том, какой он хороший питомец.

Через несколько часов наткнулись на узкий ручей, который еще не успел замерзнуть. Нико наполнила флягу, потом они наскоро перекусили и продолжили путь в приподнятом настроении.

– Мама говорила, что не знать чего-то не стыдно. Стыдно притворяться, будто знаешь. – Мало того что ей теперь за каждым камнем и деревом мерещились мухи, так еще и нападение на оленя пробудило в ней кое-что неожиданное. – Не стану притворяться и сразу скажу: я даже не задумывалась о других людях. Олень – еще куда ни шло. Про мух, какие они опасные, мы тоже знали. Но люди... Это совершенно иное дело.

Если честно, встретить другого человека Нико боялась не сильно. Куда больше она опасалась, что ее саму заметят первой. На вид она была не так уж и сильна и потому задумывалась: не парадокс ли это, когда ты сильнее, чем кажешься?

– Если выглядишь сильной, тебе не надо свою силу доказывать. А если с виду ты слаба, то вечно приходится это опровергать.

Гарри унесся вперед (да здравствует Игра!), и Нико, провожая его взглядом, начала другую игру. Присмотревшись невдалеке к дереву, воображала, что за этим деревом прячется незнакомец и наблюдает за ними.

Какими он их увидит?

Две фигурки, бредущие на восток, две крохотные точки на карте, медленно продвигающиеся к реке Мерримак: собака среднего размера, с черной шерстью и неизвестной породы; девочка-подросток с бледной-бледной кожей, волосами желтыми, как солнце, в синем худи, черной куртке и с набитым до отказа рюкзаком.

Возможно, собаку и девочку даже не увидят. А увидят лишь мясо.

Да уж. Намного лучше казаться сильнее, чем ты есть.

Гарри, забежавший вперед, резко встал и задрал морду к дереву. Подойдя ближе, Нико проследила за его взглядом. Поначалу она даже не поняла, на что смотрит: какое-то животное, безвольно повисшее на ветвях; пушистое, но при этом плоское, странного, неопределенного вида. Скорее всего, даже морское. Но чем бы оно ни было, цвет его шкуры сливался с листвой, оттенки которой перетекали между осенними и зимними. Однако постепенно это нечто обрело форму: тонюсенькие ноги, брюхо, лопнувшее точно переполненная сумка. Ни внутренностей, ни глаз, ни жизни в нем не осталось. Зато были ветвистые рога — с одной стороны головы, — терявшиеся на фоне веток.

Еще этим утром белохвостый олень приковал к себе взгляды одним только своим эффектным появлением. Сейчас он тоже привлеч внимание, правда,

представление выдалось иного рода. На дереве висел выпотрошенный олень — не столько туша, сколько пустая шкура и кости.

У Нико имелся врожденный дар чувствовать то же, что и другие. Это была одна из причин, по которым она любила читать (или же, напротив, дар развился от чтения). Закрыв глаза, она проживала жизни персонажей, становилась ими, ощущала то и делала это. И вот сейчас, зажмурившись, Нико ощутила свинцовый привкус, панику, почувствовала, как ее захлестывает волной мух, накрывает неотступным цунами тысяч лихорадочно кусающих ртов, проникающих внутрь, медленно наполняющих ее и отрывающих от земли, выедающих мускулы и органы, а после бросающих на землю пустую оболочку, самый печальный из всех метеоров.

Время от времени, переживая нападение роев в подвале Сельского Дома, родители, глядя пустыми глазами перед собой, вспоминали, как мухи врывались в города, как они накрывали постройки и толпы людей. Ничто не превращало живые теплые тела в хладные трупы быстрее, чем мухи, и неважно, умер ты от гриппа, подхваченного от них, в процессе заражения или тебя просто унесли в небо и выели изнутри.

И вот Нико впервые узрела, как это выглядит вживую.

Гарри у нее ног рыл в земле ямку. Нико невольно испытала гордость за то, какой он сообразительный — как быстро он понял, что следует за смертью.

КИТ

«космосес и компьютер» #611

В начале не было ничего.
Потом возник мир.
Потом — люди, но еще без искусства.
Потом люди создали искусство.
Потом люди умерли.
Теперь осталось искусство, но нет людей.

Отложив мел, Кит отряхнул руки и обернулся к пустой классной комнате.

— Вот как все было. Это краткая история мирового искусства, автор — Кит Шероуз, ваш преподаватель. Аминь. Всем до свидания, ну, или как-то так.

Собственное представление по многим причинам внушало двенадцатилетнему Киту печаль. Не потому, что, кроме него, преподавать было некому, а потому, что некого было учить.

Какая жалость.

Ведь Кит так много знал.

Например, о масляных красках. О них он знал все. В их основе были естественные пигменты из тяжелых металлов, как то: кадмий красный, белила титановые,

электрик и так далее, и тому подобное. Поэтому-то масляные краски и не портились так долго.

(А еще Кит знал разные обобщения: и так далее, и тому подобное...)

Обуреваемый жаждой творчества, он в одиночестве стоял в кабинете рисования начальной школы Уильяма Тафта, глядя на прикрепленный к мольберту пустой лист бумаги.

— Мне под силу сделать все, — вслух произнес Кит, прекрасно понимая, что именно сейчас напишет, потому что уже шестьсот десять утр подряд писал одно и то же.

Он подошел ближе, поднес кисть к бумаге, и картина начала рождаться. Первой появилась луна, большая и яркая. Кит написал луну крупнее и ярче, чем вчера, а вокруг нее — водоворот темно-синего ночного неба. Затем в самом низу листа — собаку. Начал с головы: морда задрана к луне, уши торчком. Потом тело: сперва — контур, затем черная шерсть. Закончив собаку, он обратился к пустому месту посреди листа — где должен был расположиться огромный ключ.

Он был похож на тот, что его мать — его Дакота — носила на шее. Впрочем, кто знает, может, это он и был.

Вчера Кит запоздало сообразил, что если к серой краске подмешать немного блессток, то ключ получится мерцающим. Догадку он проверил сегодня, а когда все получилось, то испытал восторг: в небе сгустком космической пыли мерцал ключ. Сегодня Кит максимально точно передал видение из своей головы, что бы оно ни значило.

Отойдя на шаг, он присмотрелся к картине. Собака, луна и мерцающий ключ.

– Ну ладно, – произнес Кит, подумав, не тот ли самый сегодня день.

Возможно, стоит остановиться. Возможно, он закончил. Три образа прекрасно дополняли друг друга, не осталось пустого места, которое хотелось бы заполнить.

И все же...

Кит подошел к планшету и, позволив кисти вести руку, изобразил в небе у луны, на месте звезд, старинный компьютер. Большой и угловатый. Потом клавиатуру с проводом. Мышку. Совсем как ту, что он нашел в дальнем углу подсобки. Бежевая и безобразная, она болталась в небе, как будто там ей было самое место.

На этот раз, когда Кит отошел полюбоваться работой, она не просто выглядела завершенной. Чувствовалось, что она готова.

Странно, как получается создавать то, чего не понимаешь. Но, может, это и делает искусство великим: кому какое дело, откуда приходят образы? Главное, что воплощаешь их ты.

Разнообразные варианты этой же картины покрывали стены и потолок кабинета: Кит, лишившись свободного места, вешал один поверх другого. Сегодняшний он подписал, добавив сбоку название: «Космопес и компьютер» #611.

Сняв фартук, Кит отправился в библиотеку.

Некогда школа Уильяма Тафта называлась «начальной», и в былые времена ее коридоры и классы полнились детьми, а потому в библиотеке хранились главным образом детские книги. Киту было двенадцать, и это, по словам Монти, значило, что скоро он больше времени станет проводить в библиотеке для старших, что дальше по улице.

Поймите правильно: не то чтобы Киту не нравилась библиотека для старших. Дело было в предположении, будто в ней мудрости хранится больше, чем в детской.

Киту хватило всего нескольких визитов в библиотеку для старших, чтобы развенчать этот миф. (Он знал, что «развенчать» означает «снять венец».) Да, истории там хранились другие. Переплет у большинства книг был толще, а шрифт на некоторых обложках был такой, что Кит мог бы читать его через дорогу. Имелись там «книги на кассетах» и «аудиокниги», которые показались Киту не более чем затянутыми сказками на ночь для взрослых. Однако мудрости он там нашел не больше и не меньше, чем в детской библиотеке.

К тому же библиотека в начальной школе Уильяма Тафта была гораздо уютнее.

Мозги у Кита в голове имелись, а потому свои книжки он рассортировал сперва по жанрам, а затем по авторам в алфавитном порядке.

Научпоп он прочел уже несколько лет назад, так что сейчас углубился в беллетристику, наполовину одолев секцию авторов на «Л». Неплохо, если учесть, что у него обычно оставался примерно час до того, как вернуться в «Близнец рая» на то время, пока солнце стоит высоко.

Кит устроился в оранжевом кресле-мешке и открыл книгу «Зов предков»* (о своре ездовых собак, в которой все хотели стать главными) на главе «Первобытный зверь восторжествовал».

Тут Кит дожидался, пока краски высохнут.

Тут он становился Знатоком.

* Повесть Джека Лондона.

о саркофаги, какофония катастроф!

Начальная школа Уильяма Тафта принадлежала Киту, равно как аптека принадлежала Монти, офис шерифа – Лэйки, а сад на крыше – Дакоте. Во всем Городке остались только они вчетвером, а потому каждый выбрал себе по зданию.

Выбирая, следовало учитывать два момента: удаленность постройки от дома (кинотеатра «Близнец рая») и количество полых костей и человеческих останков, которые предстояло выгрести. Надежнее всего были школы и деловые здания, потому что из них людей, когда все стало по-настоящему плохо, эвакуировали.

С домами приходилось сложнее. В них, если верить Дакоте, люди раньше жили. Люди тратили время на то, чтобы выбрать себе дом, а вот чего в старину не знали, так это того, что ни время, ни деньги, потраченные на дом, не помешают ему стать саркофагом (это странное слово означало «могила»).

Дома были какофонией катастрофы.

Выбираясь за трофеями, Кит облазил несколько домов. Там было темно и пахло как в чугулке, полном мертвечины и кишечных газов. Хуже всего было в домах, куда мухи не сумели проникнуть и где они не подчистили за собой. Эти были битком завалены частями тел, сгнившей кожей и хрящами.

О том, где мухи побывали, догадаться было несложно: после них оставались одни выеденные косточки. То, что некогда было человеком, лежало кучками жутких флейт вокруг пустого черепа.

Как-то Кит спросил, почему мухи оставляют после себя лишь полые кости. Лэйки ответила:

— Гриппозные мухи выедают костный мозг.

Киту стало жаль горожан. Этих глупых людей с их большими деньгами, мертвыми мечтами и жилищами, которые теперь ломались от выеденных костей.

Оказалось, костный мозг — это губчатая жирная ткань. Позже Кит нашел этому подтверждение в нескольких книгах из своей уютной детской библиотеки.

неизученное запределье

Последнюю картину Кит повесил рядом с «Космопсом и компьютером» #610, поверх «Космопса и компьютера» #403, и подошел к раскрытому окну.

Кабинет располагался на втором этаже школы, школа стояла на главной улице, а сама улица тянулась через весь Городок, поэтому отсюда Кит видел все. Погода была теплая, но не жаркая. Самое то встать у раскрытого окна. В лицо Киту дул ветерок, и он, поймав ощущение, задержал его, как заветное желание, представил, откуда этот бриз прилетел, где родился. Наверное, где-нибудь посреди океана.

Океан был одним из тех мест — вроде Луны или Техаса, — о которых Кит только знал и которых никогда не увидел бы.

Список можно было продолжать еще долго.

Через дорогу стоял его дом, кинотеатр «Близнец рая», одно из зданий в длинном ряду старых сблоченных построек. У каждой из них была своя история, свое прошлое, но Киту больше всего нравился кинотеатр. Сложенный из кирпича и камня, он был

увенчан металлической вывеской, крупные буквы которой гласили «БЛИЗНЕЦ РАЯ», а снизу под ней тянулась золотисто-белая афиша. Некогда на ней была составлена надпись «Добро пожаловать в рай», но большая часть букв давно отвалилась.

Из соображений безопасности (читай: против мух) у входа широким полукругом рассыпали корицу, а когда солнце поднималось в зенит и пора было прятаться в тень, выжившие, заперев за собой двери, баррикадировали их.

Сидели в безопасности. Отгородившись от мира. В милом, уютном доме.

Школу Тафта Кит себе выбрал по нескольким причинам, и одной из них было удобное расположение: до кинотеатра можно было добежать за двадцать две секунды.

О да.

Бегал он быстро.

На дороге тем временем показалась Лэйки. Она шла, закинув за спину винтовку. Каждое утро она проводила в поле за офисом шерифа, где обустроила себе стрельбище.

Об оружии Кит не знал ничего. Лэйки же, напротив, разбиралась практически во всем, что было с ним связано (читай: в стрельбе, чистке, безопасном обращении, технологии и тому подобном). Кит же недостаток знаний в оружейном деле с лихвой восполнял за счет наблюдений. Почти каждый день, в ожидании полуденного комендантского часа, он стоял вот так у окна и наблюдал за своим мирком.

Чуть дальше по улице Монти вышел из аптеки. В ней он проводил каждое утро, засев за детекторным радиоприемником и изучая Падение Общества (или